

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

В. А. Беляева-Сачук

ЖИВОТНЫЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОКИНСКИХ БУРЯТ И СОЙОТОВ. ИСТОЧНИК ПИЩИ, РАБОТНИК, ДРУГ ИЛИ САКРАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО?

АННОТАЦИЯ. В традиционной культуре бурят и сойотов дикие и домашние животные играют огромную роль. В течение всего года они были главным источником пищи, средством передвижения, помощниками в повседневной работе. Однако отношение человека к животным было не только потребительским. В современной культуре жителей Окинского района мы наблюдаем особый подход к животным, основанный на уважении и поддержании равновесия в природе. Во время охоты строго запрещается убивать определенные категории животных, которые считаются сакральными. В локальной культуре запрещены бессмысленные мучения домашних животных. В местном шаманизме каждое необычное явление или происшествие оценивается как послание от сверхъестественных существ, а животные воспринимаются как возможные посредники между миром людей и богов. Тибетский буддизм, который стал доминировать в местной системе верований с XIX в., внес значительные изменения в обрядность и отношение к животным. Так, многие жители Оки в настоящее время считают, что зверей не следует мучить, убивать без необходимости (например, во время охоты сверх потребностей семьи, только для развлечения) и вообще приносить им ненужные страдания: из-за этого можно родиться животным в следующей жизни. Некоторые домашние животные стали важным маркером этничности (например, северные олени в культуре сойотов) или региональности Окинского района (яки, хайнаки). В последние годы развивается изготовление сувенирной продукции из шерсти яка, однако пока она не получила широкой популярности, так как Окинский район привлекает в большинстве своем альпинистов и сплавщиков по рекам. Этнографический туризм, несмотря на все усилия администрации и самих окинцев, пока не получил распространения. Таким образом, животные до сих пор играют одну из главных ролей в экономической, культурной и сакральной сфере жизни окинских бурят и сойотов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: окинские буряты и сойоты, дикие и домашние животные, шаманизм, оленеводство, разведение яков

УДК 398(=512.31)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-110-117

ВЕРОНИКА АЛЕКСАНДРОВНА БЕЛЯЕВА-САЧУК — PhD, с.н.с. отдела проектных исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: belyaeva.veronika@gmail.com

Окинский район (Ока) — один из отдаленных и труднодоступных регионов Бурятии. Природно-климатические условия и географическое положение района повлияли на то, что до сих пор главной хозяйственной деятельностью окинцев остаются скотоводство, охота и в меньшей степени рыболовство. В этих занятиях главенствующую роль играют животные — домашние и дикие, и подход к ним связан с двумя факторами: существование и развитие традиционных видов ведения хозяйства в Оке и специфическая религиозная система, являющаяся синкретизмом бурятских и сойотских шаманских культов с тибетским буддизмом. Позиция животных для окинцев связана с такими культурными маркерами, как экологизм и уважение к природе, источником чего, по мнению самих респондентов, являются традиционные верования и буддизм. Такой подход к окружающей среде считается одной из главных черт локальной окинской культуры (и бурятской, и сойотской) и оценивается очень позитивно. *«Отношение к животным связано с традиционной культурой, а буддизм гармонично вошел на уровень шаманизма и взял от нее самое лучшее. А плохие вещи отбросил, например жертвоприношение животных богам гор»* (ПИ, м., 22, Тункинский район, август 2010).

Эмоциональный подход и место, которое играют животные в современной культуре жителей Окинского района, зависит от категории, к которой они относятся — домашние или дикие. Домашние животные, по моим наблюдениям, имеют не только хозяйственное значение, но и являются маркером идентичности бурят, их связи с монгольским миром. *«Табан эрдэни — 5 драгоценностей — так называют монголы 5 домашних животных (кони, коровы, овцы, козы и верблюды). Монгольские народы слишком зависят от своих животных. Если кто-то так говорит про животных, то не может к ним плохо относиться. — А случается ли, что иногда люди бьют своих животных? (В.Б.-С.) — Иногда надо бить животное. Его разум слишком загрязнен, и некоторые вещи они не могут понять иначе»* (ПИ, м., 22, Тункинский район, август 2010).

Традиционная бурятская пятерка видов скота в Окинском районе модифицирована — нет коз и верблюдов. Вместо них присутствуют як и северный олень. Сами окинцы говорят, что это окинские (реже сойотские) пять видов скота. Местные буряты и сойоты подчеркивают, что окинские яки — это самые северные яки в мире, а северные олени — самые южные (хотя это утверждение неправдиво — во всяком случае относительно оленей). Ниже я представлю материал по каждому домашнему животному, играющему важную роль в современной жизни окинцев.

Важнейшее животное у всех скотоводов-кочевников Центральной Азии, в том числе монгольских народов, — лошадь. Она персонаж эпосов, находится в неразрывной связи с хозяином. Коновязь *сэргэ* — это культовый объект, один из axis mundi в бурятской культуре, символ крепости рода и мужской преемственности, власти сакральных хозяев и т. д. Главенствующую роль лошади подтверждает и то, что она первый из пяти видов скота и зовется *морин эрдэни*, т. е. драгоценная лошадь (Жамбалова 2004: 98). Лошадь считалась главным другом человека, ее запрещалось ругать, бить, особенно по голове, наступать на удила (Бабуева 2004: 157).

Для современных окинцев лошадь имеет меньшее значение, хотя по количеству поголовья занимает второе место после крупного рогатого скота (вместе с яками). Согласно данным окинской районной администрации, в 2010 г. поголовье КРС было 10 296 голов: яков — 5163, овец — 2622, лошадей — 6547, северных оленей — 24. В 2011 г. поголовье КРС составило 10 383 голов: яков — 5255, овец — 2677, лошадей — 6441, северных оленей — 22 (Окинская районная администрация 2011). На основании доступных архивных данных видно, что поголовье лошадей до начала XXI в. не увеличивалось более 3000 голов: в 1924 г. — 1626, 1938 г. — 1933, 1948 г. — 2731, 1958 г. — 2172, 1967 г. — 1834, 1987 г. — 2914, 1997 г. — 1577, 1999 г. — 1826 (Павлинская 2002: 88, 94). Следовательно, в течение последних десяти лет поголовье лошадей увеличилось в 3,5 раза. Однако лошади остались преимущественно у крупных скотоводов, в маленьких селеньях, а также в хозяйствах, имеющих летники. В Орлике (районный центр), где проживает более половины всех жителей Оки, мало кто содержит лошадей. Во многих семьях, где разводят лошадей, до сих пор лошадь хозяина окружена почетом и на ней, кроме главы семьи, никто не может ездить. Я также

встречалась с мнением, что белые лошади являются сакральными существами, на которых могут путешествовать небожители, поэтому на них нельзя ездить (ПИ, м., 49, Окинский район, август 2015). Окинцы также трепетно относятся к бурятской породе лошадей, в Оке некоторые скотоводы пытаются возродить эту породу. Примером может служить Илья Турчанинов из местности Хойто-Бэе, который специально для этой цели покупает лошадей из других районов Бурятии, например из Еравнинского района (ПИ, Окинский район, август 2015). Несмотря на важную экономическую и сакральную роль лошади, в эмоциональном отношении, по моему мнению, она уступила первенство другому домашнему животному — собаке.

Крупный рогатый скот — самые распространенные домашние животные в Окинском районе. Даже в Орлике почти каждая семья содержит хоть одну корову. Это животное в культуре окинских бурят (реже сойотов) представляется как кормилица, которая дает белую обрядовую пищу. *«Корова нас кормит, а мы брызгаем ее молоком богам. Значит, богов она тоже кормит. В трудные 90-е годы мы выжили только благодаря коровам и их молоку»* (ПИ, ж., 55, Окинский район, июль 2014). Считается, что коров нельзя бить, ругать и каждая корова в малом хозяйстве должна носить имя. С коровой прежде всего связана эмоция благодарности.

Овца в традиционном хозяйстве окинцев играет значительно меньшую роль, чем в традиции степных бурят. Как заметила Л. Р. Павлинская, во время полевых исследований окинцы начинают перечисление хозяйства с КРС, лошадей, а вот об овцах могут вообще забыть (Павлинская 2002: 95). поголовье овец с того времени, как развалились колхозы, резко уменьшилось, но остается стабильным и мало отличается от поголовья до коллективизации. Мои респонденты мало высказывались на тему овец — это была или потребительская оценка (хорошее, вкусное мясо), или своего рода удивление глупостью этих животных. *«Овцы очень глупы. Ни одно из животных не требует выпаса с пастухом. А когда осенью появляются грибы — овцы вообще с ума сходят. Могут убежать в лес и потеряться»* (ПИ, м., 47, Окинский район, февраль 2004).

Як (сарлык) — один из символов Оки, им гордятся и его уважают. Яка часто противопоставляют корове, чтобы подчеркнуть его позитивные черты. Считается, что як более чистоплотное животное: *«Як никогда не ляжет в свои отходы. Корова, бывает, лежит и тут же испражняется под себя. А як, даже если в грязь ляжет, всегда чистый встанет»* (ПИ, м., 62, Окинский район, август 2014). Респонденты также обращали внимание на то, что яки более дружелюбные и сплоченные животные, чем коровы: они всегда прячут телят в центре стада, чтобы их не задрали волки и чтобы зимой они не замерзли.

Одна из моих собеседниц из Орлика, Людмила Нимаевна Мандагаева, рассказала сойотскую сказку о том, почему як так выглядит. Эту сказку рассказывала ее мама, сойотка по отцу: *«В горах Алтай сидел бог и раздавал года восточного гороскопа. Бог приглашал животных. И наш як тоже побежал туда. Бежал, бежал, устал через горы переходить — в сторону Алтай ему пришлось преодолевать Восточный и Западный Саяны. И он естественно не успел. И когда он прибежал туда, бог его увидел и пожалел. “За то, что ты так издалека бежал, с высоты спустился, с гор заснеженных, я тебя люблю и уважаю. Поэтому я тебя награждаю четырьмя качествами — ты будешь выносливым, как лошадь, будешь давать молоко, как корова, будешь давать шерсть, как овца, и хрюкать, как свинья”. За то, что он так бежал, и стремился, и добежал дотуда, его наградили четырьмя качествами. И вот он оттуда вернулся в свои родные края, и в таком красивом месте он расцветает и процветает, и живет до сих пор»* (ПИ, Окинский район, август 2015). Наличие фольклорных текстов, посвященных яку, указывает на его особенное место среди других домашних животных, разводимых в Оке. Як — один из маркеров самобытности локальной культуры окинцев, а также их связи с Тибетом. Окинский район сами жители называют Малым, или Бурятским, Тибетом, указывая на то, что здесь земля небожителей, чистое пространство буддийской религии, и что, подобно тибетцам, буряты и сойоты разводят яков.

Содержание яков в условиях высокогорного климата более рентабельно, чем содержание коров. С. Г. Жамбалова приводит материалы своих полевых исследований, где информант из села

Сорок (административный центр сельского поселения «Сойотское») рассказывает, что монгольские коровы требуют ухода, особого подкармливания, особенно когда зимой или осенью появляется снежный наст. Яки и хайнаки (смесь монгольской коровы и яка) могут весь год кормиться сами, в сильные морозы обглаживают ветки деревьев (Жамбалова 2000: 146–147). Несмотря на это, во времена Н. С. Хрущева в рамках борьбы за повышение продуктивности народного хозяйства разведение яков и северных оленей в Оке было признано нерентабельным. Этих животных стали забивать — поголовье оленей было уничтожено полностью. Такая же судьба была уготована и якам. Начался завоз казахской белоголовой и калмыцкой пород КРС, в большинстве колхозов поголовье яков было уничтожено. Яководство в Оке было спасено благодаря позиции председателя колхоза «50 лет Октября» (Сойотский сомон) Аюше Пунцыковичу Налханову, который не согласился на забой своих животных (Павлинская 2005: 172). Во время полевых исследований многие мои респонденты рассказывали об этом, считая, что Налханов спас один из важнейших символов Оки.

Яки, по мнению окинцев, более дикие животные, чем коровы, и поэтому более благородные, но и опасные. Хозяева запрещают подходить к якам. Во время исследований мне посчастливилось увидеть, как бодаются яки-быки. Местные жители, с которыми я путешествовала, сказали, что это хороший знак, благословление богов Оки, но запретили отходить от машины, чтобы в случае атаки животных успеть спрятаться. С этим связана проблема приручения сарлычих и хайначих к дойке. Сейчас этого практически никто не делает. Информанты говорят, что приручать животных к дойке перестали в 1960-е годы, когда поголовье яков находилось на грани уничтожения. Сейчас доение хайначих начинает возрождаться (например, в селе Сорок), но пока этим занимаются отдельные хозяйства. Ячье молоко более жирное, чем коровье, но удои ячих по объему гораздо меньше. Хайнак дает довольно большие удои, а жирность молока ненамного меньше, чем у яков. Хайначихи также гораздо спокойнее самки яка, и их легче приручить к дойке. Все это является причиной замещения практики доения самок яков на доение хайначих.

Северный олень — основа традиционного хозяйства сойот и, наверное, самый главный культурный маркер их этнической идентичности. Уничтожение поголовья оленя в 1960-х годах привело к сильной деградации традиционной сойотской культуры. Восстановление этой ветви животноводства началось в 1992 г. со стада оленей в 60 голов, купленных в Тофаларии (Павлинская 2002: 98). К сожалению, знания и навыки, необходимые для оленеводства, сойотами были утеряны. На протяжении двадцати лет, несмотря на натуральный прирост стада за счет молодняка, поголовье оленей стремительно уменьшалось. Только в 2015 г. удалось увеличить поголовье оленей до начального уровня — 60 голов (Окинская районная администрация 2015). Можно предположить, что члены хозяйства (единственного, занимающегося разведением оленей) стали осваивать таежное высокогорное оленеводство и существует перспектива его дальнейшего развития в Оке.

Северный олень пробуждает очень сильные эмоции, особенно у окинских сойот. У многих моих респондентов, которые еще застали оленей, приезд охотников верхом на олене, возможность погладить это животное и даже катание на нем являются одними из самых ярких и позитивных воспоминаний детства. Вообще о сойотских оленях говорится с гордостью и грустью как об утраченном богатстве и самобытности сойотской культуры. Но вместе с тем иногда в рассказах респондентов северный олень появляется как символ цивилизационной отсталости сойотов. Многие жители с. Сорок вспоминали, что когда они приезжали в Орлик, то некоторые местные смеялись над ними, спрашивали, почему они ездят на лошадях, а не на оленях (ПИ, ж., 48, Окинский район, август 2011). Также многократно упоминался пренебрежительный эпитет сойота — «человек, теряющий олений волос». Одна из моих собеседниц из Тункинского района, которая живет всю жизнь в с. Хойто-Гол, рассказывала, что в 1930–1950-е годы ильчирские сойоты часто спускались к селу на оленях, чтобы торговать оленьими шкурами и мясом. Местные буряты охотно торговали с сойотами, но, по словам респондентки, редко пускали их в свои дома. Считалось, что

каждый из сойотов может быть сильным шаманом и, если будет недоволен, наведет порчу на дом или испачкает дом оленьим волосом, который сыпется из одежды, сделанной из оленьих шкур (ПИ, ж., 88, Тункинский район, август 2015).

Последнее важное домашнее животное в современной культуре окинцев — собака. Хотя у охотников собака традиционно имеет довольно высокую позицию, с ней связаны различные запреты, например собакам запрещено входить в жилой дом, лежать там, где сидят или спят люди, и т. д. Теперь позиция собаки стала меняться, она становится не просто нужным животным в хозяйстве, а домашним питомцем. Больше всего полевого материала по животным (и домашним, и диким) было собрано именно по собаке. Запрет на вход в жилой дом, связанный с тем, что собака — существо подземного мира, проводник или сторож умерших, в последнее время уже не всегда действует. Собак пускают не только в летнюю кухню, но и в комнаты, объясняя это по-разному — собака старая, ее жалко, с ней любят играть дети и т. д. По моему мнению, это может быть связано с принятием элементов городской культуры, где собака в большинстве случаев не является рабочим животным.

Для окинских охотников собака — важнейшее домашнее животное. Считается, что хорошая охотничья собака бывает у человека только один раз в жизни. Поэтому собаку нельзя хвалить в присутствии чужих людей — ее могут украсть. Такая история случилась у одного из моих респондентов: его собаку увезли на расстояние более 200 км. Приучить собаку к новому хозяину не получилось. После нескольких неудачных попыток побега собаку пристрелили, о чем моему собеседнику рассказал один из очевидцев (ПИ, м., 47, Окинский район, февраль 2004).

Интересен метод выбора хорошей охотничьей собаки. Щенят от хорошей суки в возрасте шести месяцев берут на охоту в тайгу. Хозяин наблюдает, какой щенок лучше берет след, не боится дичи и т. д. Этого щенка забирают домой, а остальных оставляют в лесу. Правда, если кто-то из них вернется в селение, его тоже оставляют и считается, что эта собака также станет хорошим охотником (ПИ, ж., 64, Окинский район, август 2011).

Дикие животные находятся под «юрисдикцией» Баян Хангая — сакрального хозяина тайги и всего природного мира. Общение человека с ними должно проходить только в тайге при определенных условиях: или во время охоты, или когда человек длительное время пребывает в лесу, теряет «человеческий запах» и животные перестают его бояться. Появление диких животных и птиц в местах пребывания человека, в его социокультурном пространстве, а не в естественной среде обитания, воспринимается как предупреждение или угроза со стороны Баян Хангая (реже других богов и духов) и пробуждает чувство страха. Особенно плохим знаком считается приход крупных диких копытных — изюбря, лося или косули. Считается, что к ним нельзя подходить и даже смотреть на них. Следует закрыть глаза и читать мантры и/или молиться Баян Хангаю, пока животное не уйдет обратно в лес (ПИ, ж., 69, Окинский район, август 2014).

Однако вне территории человека встреча с некоторыми дикими животными воспринимается как благословение, сопровождается радостью или даже сакральным трепетом. В Оке хороший знак, означающий благоволение местных богов и духов, — увидеть орлов или других крупных хищных птиц: считается, что орлы — это посланники божеств гор. Особенно хорошо встретить этих птиц на *обоо* или в других сакральных местах. Для окинских бурят хорошее предзнаменование — встреча с лебедями, так как мифической праmaterью племени Хонгодор, представители которого составляют большую часть бурятского населения района, считается небесная дева-лебедь. Я встречалась с мнением, что хорошим знаком будет увидеть в горах снежного барса.

Существует довольно большая группа животных, на которых нельзя охотиться. Соблюдение этих запретов поддерживается до сих пор. Нельзя убивать орлов и лебедей, которые являются священными птицами, и турпанов (считается, что ими становятся ламы, которые грешили в прошлой жизни, — это связано с характерным окрасом птицы). Окинский охотник не будет охотиться на самку с детенышем и самок после гона. Категорически запрещено убивать животных, которые чем-то отличаются от своих собратьев: специфическим окрасом, размером, знаками на шкуре

и другим, а также на неизвестные виды: в неизвестном обличье человеку могут показываться Баян Хангай или его дети (Беляева-Сачук 2013: 34).

Отдельное внимание следует уделить медведю. Символика этого животного в общепурятской культуре очень широка и разнообразна. Медведь ассоциируется с мужским началом, он символ дня и весны, кроме того, это хтоническое существо, связанное с востоком (пустой стороной) и низом. Медведь — оборотень, в него могут превращаться черные шаманы, или они могут использовать его в качестве своего ездового животного (Дашиева 2015: 94–95). У многих бурятских групп можно заметить остатки древних тотемистических представлений о медведе. Исследуя шаманизм бурят Тункинской долины, Герасимова записала шаманское призывание, где говорится о том, что медведица является предком местных бурят (Герасимова 1969: 114–115). Также названия медведя по-бурятски — *баабгай* и *баахалдай* — можно интерпретировать как младший дядя со стороны отца и младший брат матери (Дашиева 2015: 96). На родство медведя и человека могут указывать полевые материалы, собранные в Оке. На медведя вообще специально не охотятся и убивают только в крайнем случае. Перед убитым медведем всегда извиняются, говорят, что он сам виноват или что нашли его уже мертвым. Считается, что охотник не может убить более 60 медведей за всю жизнь: 60-й медведь «роковой» — он или убьет охотника сам, или охотник погибнет вскоре после удачной охоты на медведя. Это связано с представлением, что медведь — почти человек: в прошлой жизни он был человеком, который вел грешную жизнь, или охотником, который специально охотился на медведей и убил их слишком много (ПИ, Окинский район, 2004, 2011, 2014).

Связь с медведем и северным оленем прослеживается также в одном из самых распространенных во всем Саянском регионе Бурятии культе Саянских девушек, который имеет сойтское происхождение. Саянские девушки — духи-хозяйки местности и владеют территорией южного склона Восточного Саяна: от озера Ильчир в северо-восточной части Окинского района до курорта Аршан в Тункинском районе Бурятии, а также землями по реке Китой. Саянские девушки представляются как молодые женщины (некоторые местные буряты говорят, что они бурятки), одетые в традиционную одежду, или как маленькие девочки, которые могут быть одеты и в современную одежду. Считается, что они ездят верхом на северных оленях, а также сами могут превращаться в этих животных и в таком виде показываться людям (Belyaeva 2009: 220–221). Территория владений духов, связь с северными оленями, а также то, что во многих рассказах о них говорится, что они жили, а после смерти были похоронены в тайге, указывают на то, что Саянские девушки — сойотки.

Существует несколько версий мифологических рассказов о том, каким образом девушки после своей смерти стали сакральными хозяйками. Привожу самую распространенную из них. *«Были две девушки. Они жили с отцом. С ними познакомились двое охотников. Они уехали и потом вернулись, чтобы свататься. А девушки в это время умерли, и отец их похоронил в тайге. Парни приехали, а отец один сидит. Спрашивают, что случилось? А старик говорит, что была зараза, и они ушли в горы. Парни поехали за ними, но нашли их мертвыми. Похоронили девушек и оставили им подарки, которые привезли невестам. И всю водку, которая у них была с собой, там вылили. А ведь нельзя брызгать водкой для умершего человека. Поэтому они стали хозяйками. Им теперь обязательно надо брызгать. Эти девушки стали хозяйками Шумака»* (ПИ, м., 83, Тункинский район, август 2004).

Однако в 2019 г. мне удалось зафиксировать еще одну интересную версию о том, что Саянские девушки были двумя маленькими девочками, сестрами, которых задрал медведь, и поэтому после смерти они стали хозяйками местности, где погибли (ПИ, м., 40, Окинский район, июль 2019). Это может указывать на то, что когда-то среди сойотов был распространен культ медведя как посредника между миром богов и людей, медиатора или исполнителя воли богов. Схожие воззрения существовали среди многих народов Сибири и Дальнего Востока.

Природно-климатические условия и географическое положение Окинского района Республики Бурятия повлияли на то, что животные до сих пор занимают важное место в жизни большинства

окинцев. Они продолжают быть главным источником пищи для всех местных жителей (мясо и молочные продукты), а также заработка, так как кроме государственной службы, торговли и только начинающей развиваться сферы туризма люди занимаются скотоводством и продажей продукции животного происхождения. Некоторые домашние животные стали важным маркером этничности (как северные олени в культуре сойотов) или региональности Окинского района (как яки и хайнаки). В последние годы начало развиваться изготовление сувенирной продукции из шерсти яка, однако пока она не получила широкой популярности, так как Окинский район привлекает в основном альпинистов и сплавщиков по рекам. Этнографический туризм, несмотря на все усилия администрации и самих окинцев, пока не получил распространения.

Сакральность многих животных, особенно диких, играет огромную роль в современных верованиях местных жителей. Это связано прежде всего с тем, что в скотоводстве и охоте слишком много факторов зависят от окружающей природы, а значит, по мнению окинских бурят и сойотов, от воли местных богов и духов. Поэтому каждое необычное явление или происшествие оценивается как послание сверхъестественных существ, а животные воспринимаются как возможные медиаторы между миром людей и богов. Тибетский буддизм, который занимает главенствующую позицию в местной системе верований с XIX в., внес сильные изменения в обрядность и отношение к животным. Так, многие жители Оки в настоящее время считают, что животных не следует мучить, убивать без надобности (например, во время охоты сверх потребностей семьи, только для развлечения) и вообще приносить им излишние страдания, ведь из-за этого в следующей жизни можно родиться животным. Таким образом, животные до сих пор играют одну из главных ролей в экономической, культурной и сакральной сфере жизни окинских бурят и сойотов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Полевые исследования автора 2004, 2010, 2011, 2014, 2015, 2019 гг.
- Отчет Окинской районной администрации (Сельское хозяйство по муниципальному образованию «Окинский район» на 01 января 2011 г.).
- Отчет Окинской районной администрации (Отчет о деятельности Управления сельского хозяйства административного муниципального образования «Окинский район» в 2015 г.).
- Бабуева В. Д.* Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ, 2004.
- Беляева-Сачук В. А.* Экологические аспекты традиционной культуры бурят // Культурное наследие и традиционные знания коренных народов как уникальные экосистемы мира: защита и развитие (на примере Алтае-Саянского региона). Улан-Удэ, 2013. С. 30–34.
- Герасимова К. М.* Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Вып. 5. Улан-Удэ, 1969. С. 105–144.
- Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят. М., 2015.
- Жамбалова С. Г.* Профанный и сакральный мир ольхонских бурят. Новосибирск, 2000.
- Жамбалова С. Г.* Скотоводство // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 93–104.
- Павлинская Л. Р.* Кочевники голубых гор (судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб., 2002.
- Павлинская Л. Р.* Окинский аймак Республики Бурятия в прошлом, настоящем и будущем // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005. С. 152–209.
- Belyaeva V.* Szamani i lamowie w sercu Sajarów. Współczesny system wierzeniowy Buriatów Doliny Tunkijskiej. Wrocław-Poznań, 2009.

ANIMALS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF OKA BURYATS AND SOYOTS. THE SOURCES OF FOOD, WORKERS, FRIENDS, OR SACRED CREATURES?

ABSTRACT. Wild and domestic animals play a significant role in the traditional culture of Buryats and Soyots. Throughout the year, they are the main source of food, means of transportation, and helpers in daily work. However, the attitude of humans to animals is not only consumptive. In the modern culture of the residents of Okinsky District we observed a specific approach to animals, which is based on respect and maintaining balance in nature. During the hunt, it is strictly forbidden to kill certain categories of animals that are considered sacred. The treatment of animals is closely associated with shamanism and Tibetan Buddhism. In local shamanism, every unusual phenomenon or incident is evaluated as a message from supernatural beings, and animals are perceived as possible mediators between the worlds of humans and gods. Tibetan Buddhism, which has dominated the local system of beliefs since the nineteenth century, has made remarkable changes in local rites and attitudes toward animals. Thus, many residents of Oka currently believe that animals should not be tortured or killed without reason (for example, people should not hunt for amusement only, or kill too many animals). In general, humans should not inflict unnecessary suffering on them: because of this, one can be born an animal in their next life. Some domestic animals have become an important marker of ethnicity (reindeer for Soyots) or Oka regionality (yaks, khainags). In the recent years, the production of souvenirs made of yak wool has begun to develop, but it has not yet gained popularity, since Okinsky District attracts mostly mountain climbers and river rafters. Ethnographic tourism, despite all the efforts of the local administration and Oka's residents, has not yet become popular. Therefore, animals still play one of the major roles in the economic, cultural and sacred spheres of life of Oka Buryats and Soyots.

KEYWORDS: Oka Buryats, Soyots, wild and domestic animals, shamanism, reindeer breeding, yak breeding

VERONIKA A. BELIAEVA-SACZUK – PhD, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: belyaeva.veronika@gmail.com